

Глава 25. Сердца в унисон

— Похоже, сегодня нам пора возвращаться, — негромко произнёс Линь И.

Тени на берегу мелькнули и окончательно растворились в ночном мареве. Линь И всё ещё держал руку на руке Сюаньюань Куня; он попытался было что-то объяснить, но юноша, казалось, вовсе не ждал оправданий.

В призрачном свете, заливавшем пристань, Сюаньюань Кунь смотрел всё тяжелее и пронзительнее. Юноша медленно прикрыл глаза, поднялся и почтительно поклонился учителю.

— Позвольте мне купить одну вещь, прежде чем мы покинем это место? — спросил он.

Линь И кивнул, позволяя ему идти, хотя любопытство и шевельнулось в душе. Сюаньюань Кунь, не оборачиваясь, скользнул прочь, едва касаясь стопами водной глади, и скрылся на берегу.

Ночь отражалась в тихой воде, баюкая лунный диск. Лодка одиноко покачивалась посреди затона. Внезапный порыв прохладного ветра заставил колокольчики на крыше звенеть — тонко и жалобно. С уходом Сюаньюань Куня на палубе воцарилась тишина, от которой веяло щемящим одиночеством.

Линь И не стал возвращаться под навес. Он подошёл к самому краю, вглядываясь в тёмную глубину.

— Как думаешь, он может просто уйти? — Цзинь Мэй, убедившись, что Лэн Вэйси скрылся, выбралась из своего убежища.

Линь И промолчал. Он долго смотрел на расплывающиеся в воде огни, прежде чем ответить.

С тех пор как он попал в этот мир, всё — будь то Сюаньюань Кунь или те, кого он когда-то называл «злодеями» и «пушечным мясом», — разительно отличалось от написанных им строк. Вернее сказать, его прежние знания были слишком поверхностны.

Он мнил, будто ведает всё, но на деле лишь понимал логику сюжета.

Лэн Вэйсян, Лу Цзычэнь, Лу Чжань, Ци Наньпин... Каково это — осознать, что те, чья смерть в романе не стоила и гроша, теперь живые люди? Что он на самом деле знает о них?

И Сюаньюань Кунь... Линь И вдруг почувствовал, что совершенно не понимает своего ученика.

Тот сказал, что «не желает бессмертия». Значит ли это, что судьба, которую он когда-то навязал этому человеку, вовсе не была благом?

Теперь Линь И чётко разделял: роман — это лишь слова, а реальность — это жизнь.

Чем дольше они были вместе, тем яснее он осознавал: он лишь подделка, ряженный наставник. И Сюаньюань Кунь вряд ли будет питать к нему ту безграничную преданность и почтение, что описывались в оригинале.

В его памяти Кунь всегда обращался к Тяньвай-чжэньжэню на «Вы» и называл себя «Вашим учеником». Теперь он вёл себя иначе.

Если тот не хочет идти предначертанным путём, стоит ли ради собственного спасения вновь пытаться вылепить из него нужного героя?

Огни на улицах начали гаснуть. Линь И прищурился и, отвернувшись от берега, спросил Цзинь Мэй:

— Если он не вернётся... как думаешь, что я сделаю?

Цзинь Мэй нахмурилась, перелетела на другую сторону лодки и задумалась.

— Пойдёшь искать его?

Линь И вздохнул, и в его вздохе послышалась затаённая печаль.

— Нет, — он покачал головой. — Если он не хочет... значит, так тому и быть.

Зачем принуждать человека идти дорогой, которая ему ненавистна?

Он и сам, оказавшись в этом мире, не чувствовал радости, несмотря на могущество стадии Перехода через Бедствие. Его желания так и остались несбыточными.

Цзинь Мэй, заметив его подавленность, вдруг хихикнула:

— Чжэньжэнь, если он уйдёт, мне хотя бы не придётся тратить силы души на его обучение! Идти мне всё равно некуда, так что буду донимать тебя своей болтовнёй до скончания веков.

Линь И отогнал мрачные мысли и вернулся в каюту.

Он повёл широким рукавом, и над его ладонью, тонкой и бледной, зависла Жемчужина Алого Дракона — прозрачная, сияющая золотистым светом и объятая призрачным пламенем.

— Раз Сюаньюань Кунь не возвращается, эта вещь мне без надобности, — произнёс Линь И. — Не лучше ли сотворить доброе дело и вернуть тебя Лэн Бэйси?

— Чжэньжэнь, не шути так! — Цзинь Мэй отчаянно затрясла головой. — С Лэн Бэйси нас больше ничего не связывает. Встреча лишь принесёт нам обоим новую боль.

— С чего ты взяла? Лэн Бэйси задержался на горе Бутянь на несколько дней явно из-за тебя. Только что на берегу он выпрашивал о моём местонахождении и сразу же бросился сюда. Очевидно, он всё ещё не может тебя забыть.

Линь И недоумевал:

— В Великом строе Водного Зеркала я видел ваши воспоминания. Вы любили друг друга. Что плохого в том, чтобы встретиться? В том, что случилось тогда, нет твоей вины.

Цзинь Мэй была лишь духом, но даже в её бесплотном облике проступила глубокая скорбь.

— Вины, может, и нет, — печально отозвалась она. — Но я — та, кто совершил непоправимое.

Линь И не понимал, и тогда она задала ему вопрос:

— Чжэньжэнь, если бы меня лишили воли и заставили убить вашего любимого ученика... как бы вы после этого на меня смотрели?

Линь И замер, не находя слов.

— Но это совсем другое... — наконец выдал он.

— Нет, — вздохнула Цзинь Мэй. — Это в точности то же самое.

Она рассказала, что когда Лэн Бэйси был на горе Бутянь, он, возможно, и правда искал встречи. Но сегодня на берегу их взгляды встретились.

И один не посмел признать её, а другая не нашла в себе сил показаться.

Если бы они действительно хотели этой встречи, за долгие годы в Водном Зеркале они бы нашли способ.

Цзинь Мэй была просто Цзинь Мэй. Но Лэн Бэйси... он был другим.

Он — градоначальник Цзиньси, наследник Меча Лазурной Пустоты. В его жизни были вещи, которые он ценил дороже собственной жизни, и это были не только чувства к ней.

Она всегда хотела узнать, что такое любовь. Встретив Лэн Бэйси, она узнала это. И она любила его именно таким — верным своему долгу. Сожалела ли она? Нет, никогда.

— Тогда, находясь под чужой властью, я обрушила гнев небес на город... Погибло столько невинных. Я не смею смотреть ему в глаза. И не смею предстать перед учениками Меча Лазурной Пустоты.

Линь И задумался. Люди действительно разные. Лу Чжаню, к примеру, на подобные условности было бы наплевать.

И тут Линь И понял, почему в тот роковой день Лу Чжань первым нанёс удар по одержимой Цзинь Мэй, приняв на себя ненависть друга на долгие годы.

Если бы Лэн Бэйси убил её собственной рукой, он бы не вынес этого и покончил с собой в то же мгновение.

Зачем Лу Чжань спас её?

Наверное, потому что он видел мир иначе. Спасая Цзинь Мэй, он спасал друга. Для Лу Чжаня истина и мораль не имели такого значения, как жизни близких.

Линь И вспомнил образы из Водного Зеркала: как они таили свои чувства до самого конца, пока смерть не подошла вплотную.

Меч Лэн Бэйси принадлежал другим. Его путь был путём долга, стоящего выше личного счастья. Лу Чжань же жил ради себя.

Поступок Лу Чжаня дал Лэн Бэйси возможность обманывать самого себя все эти годы.

Линь И кивнул и больше не предлагал Цзинь Мэй встретиться с возлюбленным. Вместо этого он спросил:

— Ты помнишь, как именно те демонические заклинатели подчинили тебя?

Цзинь Мэй покачала головой. Та часть её жизни была словно в тумане. Она помнила лишь радость от того, что преодолела Драконьи Врата, а всё, что случилось после — стёрлось.

Линь И внимательно осмотрел Жемчужину Алого Дракона. Она была безупречна: ни трещинки, ни следа демонической энергии. Но если скверны нет, как они смогли захватить власть над её разумом?

Оба погрузились в молчание, увязнув в тайнах прошлого.

Вдруг лодка качнулась, по воде разбежались круги. Линь И решил было, что Цзинь Мэй снова озорничает от скуки, но, подняв взгляд, увидел на палубе юношу в белых одеждах.

Полы его одеяний ещё колыхались, выдавая недавний прыжок. В руках он держал бумажный фонарик.

Сердце Линь И пропустило удар. Весь мир вокруг померк, и лишь этот силуэт завладел всем его вниманием. Ощущение пустоты мгновенно исчезло, сменившись радостью и... тревогой.

«Неужели Кунь решил остаться?»

Линь И не собирался его заставлять. Он дал ему шанс уйти. Почему же он вернулся?

Сюаньюань Кунь подошёл ближе, неся на себе отсветы звёзд и луны. Он протянул Линь И фонарик, и он едва заметно улыбнулся.

— Учитель, я хочу запустить его.

— Ты отсутствовал так долго ради одного фонарика? — первой подала голос Цзинь Мэй.

Линь И молчал.

Сюаньюань Кунь опустил взгляд на бумажные стенки фонаря. Его взгляд стал далёким и холодным.

— Да. Я хотел выбрать самый красивый. Надеюсь, он понравится божеству.

В прошлой жизни, когда он уже ступил на путь демонов, он запускал тысячи таких фонариков.

Он не понимал тогда: если в мире есть боги, почему они не слышат его мольбы?

В конце концов, потеряв способность любить и чувствовать, он перестал верить. Всё это казалось ему нелепым фарсом.

Но сейчас он снова протягивал фонарь Линь И.

— Учитель, есть ли у вас заветное желание?

Линь И уже справился с волнением. Тревога ушла, осталась лишь тихая радость. Глядя на то, как бережно Кунь держит подарок, он понял, что юноша вовсе не искал оправданий, чтобы задержаться. Он просто хотел сделать ему приятное.

Линь И взял фонарик и, улыбнувшись, покачал головой:

— Твой учитель не верит в богов.

— Эй! — возмущённо вскрикнула Цзинь Мэй. — Пусть я и в плачевном состоянии, но я всё же божественный дракон! Как это «нет богов»?

Линь И не обратил внимания на её причитания. Он чувствовал странное умиротворение от того, что юноша стоит рядом. Магическим пассом он зажёл свечу внутри фонаря.

Нельзя было пренебрегать таким искренним порывом. Линь И мягко произнёс:

— Хотя я и не верю, желание у меня есть.

— Какое же? — спросил Сюаньюань Кунь.

Линь И легонько подтолкнул фонарик, выпуская его в небо. Он смотрел, как золотистая точка медленно поднимается в ночную синеву, и улыбался своим мыслям.

— Если произнести его вслух — не сбудется.

— Разве наставник не сказал, что не верит?

Линь И посмотрел на Куня, заложив руки за спину.

— В жизни должны быть ритуалы. Иначе к чему были все твои долгие поиски?

Юноша подошёл ближе и снизу вверх заглянул в глаза учителю.

— Учитель, вам нравится этот фонарь?

— Да, очень. Пусть в нём нет большой ценности, но он хранит в себе надежду и чьи-то чувства.

Линь И вспомнил слова Куня о Шэньмине и добавил:

— Впрочем, придутся ли они по вкусу божеству — мне неизвестно.

Сюаньюань Кунь отвёл взгляд и тихо обронил:

— Это неважно. Главное, чтобы наставнику нравилось.

Юноша улыбнулся.

В этой жизни он чувствовал, что его божество — здесь, рядом с ним. И именно оно исполняет его желания.

Чёрный бархат неба, бескрайние россыпи звёзд и один-единственный бумажный фонарик.

Цзинь Мэй молча провожала его взглядом. Так же, как и Лэн Бэйси, смотревший на этот огонёк издалека.

В его памяти они тоже когда-то запускали такие фонари.

Он вспомнил, как Цзинь Мэй спросила его: когда она была прекраснее всего?

Лэн Бэйси тогда промолчал.

У моста Линьси она стояла на беломраморных плитах, бережно сжимая в ладонях лотос. «Посмотри», — она прошептала, и в каждом слове была медовая сладость признания.

«Лотос Девяти Сыновей — тебе».

«Редкое сокровище со дна Небесного пруда — в обмен на то, чтобы мы были вместе до самой седины. Чтобы никогда не расставались, хорошо?»

Закатное солнце золотило её чёрные волосы, путалось в складках алого платья, скрывая румянец на щеках. В тот миг она была прекраснее всего мира.

Лэн Бэйси закрыл глаза. Прошлое не вернуть. Пусть же её душа обретёт покой в этой новой жизни.

На бумажном боку фонарика, плывущего в вышине, виднелись лишь три иероглифа: «Сердца в унисон».

Когда они возвращались на гору Бутянь, Линь И в последний раз оглянулся на затухающую в небе искру. Он подумал, что если бы мог позволить себе ещё одну дерзость, он бы добавил:

«Навек неразлучны».

<http://bllate.org/book/17554/1713274>